

**КРИТИЧЕСКИЙ И НЕЙТРАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИДЕОЛОГИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹****Бурсевич В.В.**

В статье анализируются два доминирующих подхода к пониманию идеологии – критический и нейтральный. Выделяются основные теоретические презумпции, лежащие в основе данных подходов. Особое внимание уделяется обоснованию необходимости переориентации исследовательских установок с критического на нейтральный подход, обладающий значимым эвристическим и культурным потенциалом. Развивается мысль о том, что нейтральный подход предлагает более широкое понимание сущности идеологии как основы коллективных представлений социальных групп. По сути, данный подход вбирает в себя критический как частный случай и оказывается более плодотворным при анализе современного многополярного общества с его версификацией идентичностей и мирным сосуществованием различных групповых идеологий.

Сегодня сложно найти более востребованное в социально-философском дискурсе понятие, чем идеология. Практически нет текста, в котором оно не употреблялось хотя бы мимоходом. Идеологию критикуют и одновременно стремятся создать, ей посвящают многочисленные исследования. Создается впечатление, что идеология – своего рода краеугольный камень современной социальной мысли: все сводится к идеологии и, в то же время, никто не знает, что скрывает за собой этот загадочный термин. В данной статье ставится цель не столько рассмотреть специфику отдельных интерпретаций идеологии, сколько показать, что в огромном массиве посвященных ей исследований можно выделить два главных направления, по-разному решающих вопрос о природе и сущности идеологии, – критический и нейтральный подходы. Среди задач статьи – выявить теоретические установки, составляющие суть выше-названных подходов; определить, какие преимущества сулят эти подходы исследователю и какие проблемы ставят перед ним, а также обосновать необходимость смещения акцентов в трактовке идеологии с критического подхода на нейтральный.

Хотя понятие идеологии появилось еще в эпоху Французской революции, свое современное значение оно получило в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Традиция, заложенная классиками марксизма, может быть охарактеризована как критическая. В развитии марксистских представлений об идеологии можно выделить несколько этапов. В «Философско-экономических рукописях 1844 г.» Маркс, а в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс, рассматривают феномен идеологии посредством понятия объективации, механизмы производства идеологии уподобляются механизмам товарного фетишизма. Позднее, в работе «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс формулируют фундаментальное для критического подхода понимание идеологии как «камеры-обскура», где «люди и отношения оказываются поставленными на голову»[1, с. 25]. Идеологии (которая на данном этапе понимается достаточно широко, включая в себя и религию, и философию, и мораль) как системе воображаемых, иллюзорных идей противопоставляется практика, реальный жизненный процесс. Как пишет К. Маркс: «В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т.е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, ... для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди»[1, с. 25]. Наконец, в «Капитале» понятие идеологии становится более узким и конкретным и связывается с понятием «превращенной формы», отражающей интересы господствующих классов. В качестве альтернативы искаженной «буржуазной» идеологии видится объективность марксистского учения, выражающего интересы пролетариата, а следовательно, и подлинные интересы человечества в целом.

Несмотря на то, что идеи К. Маркса и Ф. Энгельса в дальнейшем легли в основу многочисленных концепций идеологии (Д. Лукач, А. Грамши, представители Франкфуртской школы), хотелось бы более подробно рассмотреть одну из современных рецепций марксистского учения об идеологии, представленную Л. Альтюссером. Подобное внимание к концепции идеологии, разработанной французским философом, обусловлено, в первую очередь, тем, что его идеи сыграли огромную роль в развитии критической теории идеологии, а работы определили горизонты понимания этого феномена для многих последующих, в том числе, и современных исследований. Отталкиваясь от марксистского понимания идеологии, Альтюссер рассматривает ее в негативных категориях: во-первых, идеология есть нечто воображаемое, лишенное статуса реальности; во-вторых, идеология как чистая иллюзия не имеет истории, так как ее

¹ Бурсевич, В.В. Критический и нейтральный подходы к исследованию идеологии: сравнительный анализ // Вестник ПГУ. – 2010. – №1. – Серия. Гуманитарные науки. – С. 95 – 100.

история лежит вне нее, будучи историей конкретных индивидов, создающих идеологию. Однако идеология обладает и определенного рода материальностью: индивиды оказываются причастны идеологии, не только сознательно разделяя ту или иную систему взглядов, но и выполняя перечень повседневных практик, имплицитно содержащих идеологические императивы.

Следует отметить, что Альтюссер рассматривает идеологию не просто в качестве «ложного сознания», но и вскрывает ее важную роль в воспроизводстве социума. По его мнению, идеология функционирует посредством интерпелляции, т.е. превращения отдельных личностей в субъектов, наделенных априорными качествами, позволяющими им занять определенное место в социальной стратификации. Иными словами, идеология оказывается своего рода механизмом, навязывающим идентичность. При этом процесс идеологического принуждения остается неосознанным; бытие в качестве субъекта воспринимается индивидом как нечто нормальное и неизбежное, как очевидная истина: «очевидность того, что вы и я являемся субъектами – причем так, что это не вызывает никаких вопросов – является идеологическим эффектом, элементарным идеологическим эффектом» [2, с. 46]. Даже нерожденный ребенок благодаря формирующей силе идеологических практик оказывается включенным в сеть категорий (пола, социального положения, имени), в которую он должен помимо своей воли интегрироваться. В результате подобно встраиванию человека в систему идеологии ее нормы обретают для него ореол естественности и иммунитет к возможным изменениям.

По мнению Альтюссера, такое понимание идеологии способствует реформированию марксистского учения и позволяет избежать недостатков лежащей в его основе пространственной метафоры. Идеология, являясь формирующим индивида механизмом, оказывается основным способом «воспроизводства условий производства», позволяя любой общественной формации перманентно регенерировать себя и условия своего существования. Тем самым обнаруживается недостающий медиум между разделенными до этого понятиями базиса и надстройки. Однако, хотя Альтюссер и признает особую роль идеологии в поддержании структуры социума, он стремится найти ей некий противовес, видя в науке незамутненный бессубъектный дискурс, способный избежать властного влияния.

Критическая традиция никогда не была достаточно однородной, и каждый последующий мыслитель вносил все новые нюансы в теорию идеологии. При этом соединение критического подхода с разными исследовательскими программами, такими как структурализм, семиотика, психоанализ, привело к возникновению совершенно уникальных видений идеологии. Так, например, важные дополнения в критическую теорию внесли ранние работы Р. Барта, который рассматривает идеологию в неразрывной связи с социальным мифом, понимаемым как семиотический механизм продуцирования идеологии. Особую интерпретацию идеологии, в которой теория идеологии соединяется с элементами психоанализа лакановского толка, создает С. Жижек, предлагая понимать идеологию как способ «регулирования диалектических отношений между двумя порядками (в терминологии Лакана, между Символическим и Реальным)» [3, с.146], как механизм восполнения пробелов и противоречий в символических системах любого сообщества.

Хотя возникающие под влиянием марксистского учения концепции идеологии могут, как уже отмечалось, основываться на различной исследовательской методологии, за всем этим многообразием обнаруживается единство, которое и позволяет утверждать о существовании целостной критической установки в понимании идеологии. Можно выделить основные черты критического подхода к идеологии. Во-первых, критический подход фундирован пониманием идеологии через призму устоявшейся категории «ложного сознания», т.е. идеологическая картина мира понимается как извращенный слепок реальности. Как пишет Л. Альтюссер: «Идеология представляет воображаемые отношения индивидов к их реальным условиям существования» [2, с. 36]. Во-вторых, среди функций, выполняемых идеологией, исследователи, принадлежащие к критическому подходу, видят в первую очередь функцию искажения, маскировки реальности и манипулирования сознанием личности.

Кроме того, у классиков критического подхода понятие идеологии оказывается тесно переплетенным с понятием «классовой борьбы», поэтому идеологии приписывается своеобразная искусственность, мотивированность и сконструированность в интересах локальных групп, господствующих в обществе. В более широком контексте, у исследователей, работающих в критической традиции, но осознающих несоответствие понятий «классовой борьбы» и, собственно, «класса» современным реалиям, феномен идеологии понимается как непосредственно связанный и вовлеченный в структуру властных диспозиций. Как следствие, объектом критики становится уже не «буржуазная» идеология, но любая доминирующая идеология, отсюда гуманистический пафос критических исследователей и желание защитить тех, кто в системе социального распределения оказывается подавляемым не только физически, но и символически, посредством навязывания взглядов и идей.

Если в целом характеризовать критический подход в понимании идеологии, то самым важным моментом здесь является лежащая в его основе эпистемологическая установка реализма. Это означает, что исследователь рано или поздно вовлекается в спор о ложном и истинном отражении мира. Слишком

соблазнительным оказывается противопоставить господствующей идеологии подлинное и адекватное видение мира, объективирующееся в системах идей, начиная с идеологии пролетариата, девственного «языка-объекта» рабочего, не нагруженного идеологическими коннотациями, бессубъектного научного дискурса и заканчивая тем, что ложным признается все, что не соответствует собственной идеологии исследователя. Важнейшей проблемой, возникающей при трактовке идеологии в качестве «ложного сознания», является то, что для того, чтобы признать способ восприятия реальности той или иной социальной группы ущербным, необходимо сравнить его с неким эталоном видения, идеальным отражением мира. А это, в свою очередь, подразумевает убежденность в возможности охватить универсум во всех его проявлениях из некоей точки по-над миром; что представляется выходящим за рамки возможностей обычного человека, ограниченного в своем представлении о мире пространством ближайших практик и интересов. И даже для ученого-интеллектуала требуется серьезное алиби, которое обеспечивало бы ему право говорить от лица абсолютной истины или исходя из интересов всего человечества.

Между тем, проблема обусловленности восприятия мира историческим и практическим горизонтом оказывается сегодня в авангарде философских исследований. Так, в работах А. Шюца и его последователей П. Бергера и Т. Лукмана ведущим стал вопрос о структуре социального мира как универсума, конструируемого в пространстве между людьми, в сфере интерсубъективности. На основе иной методологии сходные проблемы пытается решить теория фреймов И. Гофмана, утверждающего, что взаимодействие людей происходит не в едином социальном пространстве, но во фреймах, т.е. локальных социальных мирах, имеющих уникальную структуру, упорядоченность и границы. В рамках коммуникативистики Н. Луман проводит идею об особом самореферентном статусе общества и его подсистем, проявляющихся в стремлении социальных групп к самоописанию. Эти и другие социальные теории имеют решающее значение для построения нового представления об идеологии, преодолевающего несовершенство критического подхода.

Современные теории социального конструктивизма, некоторые из которых были упомянуты выше, становятся отправной точкой для формирования нейтрального подхода в понимании идеологии. В соответствии с ним, в основе любой группы лежит общность значений и смыслов, особый семиотический универсум и относительно единый способ символизации. Уникальность способа символизации органически связана с особенностями бытия группы, обусловлена повседневными практиками и деятельностью и, одновременно, влияет на них. Символический запас, аккумулирующий исторический опыт группы, отражается как в сознании, так и бессознательном ее членов, определяя их восприятие реальности и детерминируя любое движение тела, компенсируя, тем самым, недостаток инстинктивных программ поведения. Само существование человека в мире связано не только с пространственными и временными ориентирами, но и с ментальными метками, позволяющими ему упорядочить многообразие мира, избавиться от необходимости вновь и вновь конструировать реальность и чувствовать себя внутри социальных структур как в уютном пространстве собственного дома. Как пишет К. Манхейм: «С чисто функциональной точки зрения образование смысловых значений, будь то истинных или ложных, играет необходимую роль – оно социализирует события для группы. Мы принадлежим к группе не только от рождения, ... а прежде всего потому, что смотрим на мир и на ряд явлений мира так же, как она» [5, с. 24].

Конструирование социального мира оказывается сопряжено с бесконечным процессом, включающим, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, три взаимосвязанные стадии: экстернализацию, т.е. проявление человеком себя в деятельности; объективацию и реификацию продуктов деятельности и последующую интернализацию социальных моделей в сознание человека. Индивидуальный опыт оседает в традиции, кристаллизуясь последовательно в социальных схемах и упорядочивающих восприятие категориях, начиная с простой хабиитуализации в рамках обыденной жизни и заканчивая социальной типизацией и институализацией.

Если на протяжении веков упорядочивающими реальность символическими системами служили монополистические и универсалистские по своей сути миф и религия, то в Новое время «следствием институциональной сегментации стала возможность существования в обществе изолированных смысловых подуниверсумов» [6, с.140]. С совершенствованием разделения труда, расщеплением социальных функций и формализацией взаимоотношений потребовался более рационализированный и изощренный способ формирования социальных представлений, с одной стороны, объединяющий локальную группу, а с другой, позволяющий ей вписаться в глобальный социальный контекст. Таким образом, идеология становится новым способом символизации и, тем самым, неизбежным моментом культуры.

В философской традиции идеи о предопределенности восприятия, мышления и познания системой неосознаваемых диспозиций, вырастающих из особенностей исторических условий существования, обнаруживаются, например, у К. Г. Юнга в концепции «коллективного бессознательного» или в понятии «эпистем» М. Фуко и т.д. Однако первым, кто развивает подобные идеи в связи с анализом непосредственно феномена идеологии, бесспорно, является К. Манхейм. Несмотря на то, что теорию Манхейма

принято относить к классике критической мысли, именно ему принадлежат исключительно прозорливые замечания, подрывающие основы критического подхода. Манхейм, вводя понятие тотальной идеологии, впервые ставит вопрос о том, что поскольку любое сознание укоренено в социальной ситуации, любое сознание идеологично. По мнению Манхейма, необходимо обладать «достаточным мужеством для того, чтобы подвести под понятие идеологии не только позицию противника, но и все возможные позиции, в том числе и свою собственную» [5, с. 71]. Манхейм формулирует парадокс, в соответствии с которым критика частичных идеологий, в конечном счете, приводит к осознанию идеологической ангажированности любой позиции.

Обнаружение лакун и противоречий критического понимания идеологии, основанного на понятии «ложного сознания», приводит к акцентированию внимания исследователей на позитивном и конструктивно-символическом значении идеологии и включению этого феномена в более широкий контекст символических форм культуры. Таким образом, формируется нейтральный, или культурологический, подход, среди представителей которого можно назвать П. Рикера, Т. ван Дейка, К. Гирца и Л. Дюмо. Хотя методология и цели у сторонников нейтрального подхода достаточно разнообразны, однако оказывается возможным выделить единство разделяемых ими основополагающих установок. Нейтральный подход, как уже отмечалось, основывается на конструктивистском эпистемологическом базисе, его характеризует сознательный уход от противопоставления категорий «истинный / ложный» при рассмотрении идеологии. Основной функцией идеологии как способа производства общих значений признается функция интеграции группы. Акцентирование в критическом подходе мотивированности идеологической системы и, соответственно, «преступной» виновности ее создателей замещается в нейтральном подходе признанием за идеологией «функциональной рациональности» (К. Манхейм), позволяющей группе создавать картину реальности, благоприятствующую деятельности и способствующую охране социальной структуры от потрясений. Кроме того, если в рамках критического подхода исследователи понимают идеологию как продукт сознательного конструирования властных групп, то при нейтральном подходе на первый план выступает бессознательный модус существования идеологии, позволяющий ей встраиваться в повседневную жизнь и инкорпорироваться в телесные практики, что, например, П. Бурдьё характеризует как «коллективный габитус».

Таким образом, как пишет М. Огустинос, для многих современных исследователей «идеология более не равна ложному сознанию, мистификации, искаженным или ложным идеям. Скорее идеология отсылает к любым верованиям, представлениям, дискурсам и практикам, которые служат легитимации и поддержанию существующих социальных и властных отношений в обществе, вне зависимости от их истинностного статуса» [7, с. 300]. Под идеологией в контексте нейтрального подхода в целом понимается способ символизации и порождения общих смыслов; «системы, лежащие в основе социально-политических представлений групп» [8, с.138]; совокупность значимых для группы представлений, включающих модели групповой идентичности, ценности, нормы, цели, ресурсы деятельности и т.д.

Тем не менее, подобное толкование приводит к тому, что все есть идеология, и порождает необходимость демаркации идеологии от религии, философии и других механизмов символизации. Необходимое разграничение может быть осуществлено на следующих основаниях. Во-первых, в отличие от иных символических практик идеология фокусируется на производстве именно социального среза бытия и отражении статуса группы в социальном пространстве (хотя благодаря механизму, названному С. Жижекком «идеологической пристежкой», в поле идеологии могут при необходимости включаться и иные проблемы). В основе идеологии лежит модель групповой идентичности, структуре которой сегодня уделяется большое внимание. Так, Т. ван Дейк отмечает, что любая идеология основана на фундаментальном разделении «СВОИ–ЧУЖИЕ», при этом производство идентичностей и моделей самоописания группы основывается на принципе внутригруппового фаворитизма, т.е. положительной оценки всего связанного с внутренним бытием группы, и внегруппового уничижения [8, с. 146-149].

Во-вторых, если, например, религия и миф – символические системы, создаваемые либо для внутреннего пользования, либо как глобальный проект, то идеология – это проект, создаваемый для себя, но в поле присутствия другого. Ее производство связано с необходимостью обретения группой собственного места среди других групп в общем социальном пространстве. По словам П. Бергера: «Отличительные признаки идеологии, скорее, обнаруживаются там, где тот же самый целостный универсум интерпретируется по-разному в зависимости от конкретных интересов в данном обществе» [6, с. 201]. Поэтому появление идеологий связывается с Новым временем, эпохой возникновения парциальных символических универсумов.

И наконец, понятие идеологии оказывается непосредственно связанным с понятием легитимации, поскольку создаваемые символические миры нуждаются в обосновании своей значимости. При этом механизмы легитимации включают как когнитивный, так и нормативный, ценностный аспекты. Бергер и Лукман выделяют различные уровни легитимации, начиная со словарного запаса группы, аккумулирующего особенности ее мышления и поведения, разрозненных или развернутых теоретических представ-

лений, вплоть до построения целостного символического универсума с изощренной системой риторических механизмов по защите своих положений и структур.

По мнению П. Рикера, критический и нейтральный подходы не только не исключают, но и дополняют друг друга. Французский мыслитель пытается разрешить противоречие между ними посредством концепта легитимации. Между функциями искажения и интеграции располагается опосредующая функция легитимации. Идеология оказывается источником легитимации и компенсации нехватки веры в существующий порядок. При этом идеология осуществляет легитимацию «социального порядка» в двух смыслах: во-первых, «социального порядка» в широком смысле как любой структуры вне соотносительности с феноменом власти: тем самым, идеология выполняет и функцию интеграции; во-вторых, «социального порядка» в узком смысле как способа распределения власти, поэтому идеология, легитимируя неравенство властных полномочий, выполняет функцию искажения [9, с. 649-650]. Таким образом, понятие легитимации позволяет органично включить критический подход как частный случай в более широкий нейтральный подход.

Иной вариант объединения подходов предлагает Дж. Томпсон, по его мнению, для понимания идеологии в современном контексте важными оказываются две ее характеристики: символическая природа и вовлеченность в процессы господства, что и позволяет объединить потенциал обоих подходов. Томпсон пишет: «Мы можем ухватить символические феномены как идеологические и, следовательно, мы можем анализировать идеологию, только помещая символические феномены в социально-исторические контексты, где они могут или не могут служить установлению и поддержанию отношений господства» [4, с. 56].

Образ идеологии, обрисованный в рамках двух противоположных исследовательских подходов, оказывается достаточно противоречивым. Вероятно, для адекватного понимания феномена необходимо использовать потенциал обоих подходов. Тем не менее, нейтральный подход, являясь более широким и взвешенным в своих оценках, кажется в данном случае более выигрышным. Не существует «плохих» или «хороших» идеологий с точки зрения общей теории, идеологии в принципе нельзя дать однозначную оценку. Можно оценить конкретные идеологии в соответствии с тем культурным потенциалом, которым они располагают как в плане развития общества, так и в плане реализации человеческих способностей. Однако это возможно лишь тогда, когда мы заранее оговариваем: какие ценности мы рассматриваем как эталон, в качестве «мировоззрения эпохи», понимая, что и в этом случае о стопроцентной объективности говорить все же не приходится. Но сама возможность оценки конкретного типа идеологии определяется необходимостью изучения идеологии как таковой. Первостепенным здесь должен стать вопрос не о том: какая идеология является истинной и позитивной? Гораздо важнее определить: что вообще в массиве культуры может быть названо идеологией, как функционирует любая идеология, включая нашу собственную? В этом смысле, нейтральный подход в большей степени обладает тем, что можно назвать исследовательской честностью, поскольку его представители пытаются «отказаться в своем исследовании идеологии от стремления к «разоблачению» (это тем более необходимо, что для разоблачения чужой позиции необходимо абсолютизировать собственную...) и ограничиться тем, чтобы повсеместно выявлять связь между социальным положением и высказываемой точкой зрения» [5, с. 219].

Кроме того, нейтральный подход несет в себе значительный культурный потенциал, поскольку характерные для критического подхода подозрение и фальсификация социальных стереотипов, традиционных программ поведения и коллективных идеологий замещаются здесь попытками обнаружить культуротворческий заряд идеологических систем, ведь вбирая в себя все интеллектуальное наследие группы, идеология оказывается плодородной почвой, на которой только и могут возникнуть новые идеи, способные изменить мир.

И наконец, важность смещения исследовательских ориентиров с господствовавшего до сих пор критического подхода в понимании идеологии на нейтральный подход определяется еще и тем, что развиваемое нейтральным подходом позитивное понимание идеологии в большей степени соответствует реалиям современности. Безусловно, критика конкретных идеологий, таких как расизм, сексизм или нацизм, никогда не утратит своего значения. Но устремленность критического подхода на полное нивелирование идеологии из социальной жизни оказывается несостоятельной. В современном обществе разрушение метанарраций и предшествующих систем легитимации, основанных на понятии абсолюта, приводит не к полному исчезновению, «закату» идеологий, но, напротив, к версификации культур, к сосуществованию и полилогу традиций и идеологических систем, ни одна из которых не может обладать монополией на производство реальности. И в этой ситуации плюрализма именно нейтральный подход позволяет исследовать многообразные проявления, формы и типы идеологии, не вынося им заведомо обвинительный приговор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: в 3 т. / К. Маркс, Ф.Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3: Немецкая идеология. – С. 7 – 544.
2. Althusser, L. Ideology and Ideological State Apparatuses / L. Althusser // On ideology.– London, New York, 2008. – P. 1-61.
3. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М.: Художественный журнал, 1999. – 114 с.
4. Thompson, J. B. Ideology and modern culture / J. B. Thompson. – Stanford University Press, 1990. – 362 p.
5. Манхейм, К. Идеология и утопия/ К. Манхейм // Диагноз нашего времени.– М.: Юрист, 1994. – С. 7-277.
6. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
7. Augoustinos, M. Ideology, False Consciousness and Psychology / M. Augoustinos // Theory & Psychology [Electronic resource]. – 1999. – № 9. – P. 95–120. – Mode of access: <http://tap.sagepub.com/cgi/content/abstract/9/3/295.pdf>. – Date of access: 16.03.2009.
8. Dijk, van T. A. Ideological discourse analysis / T. A. van Dijk // New Courant [Electronic resource]. – 1995. – № 4. – P. 135–161. – Mode of access: <http://www.discourses.org/download/articles/ideological%discourse%analysis.pdf>. – Date of access: 14.01.2009.
9. Langdridge, D. Ideology and Utopia: Social Psychology and the Social Imaginary of Paul Ricoeur / D. Langdridge // Theory & Psychology [Electronic resource]. – 2006. –№ 16. – P. 641 – 659. – Mode of access: <http://tap.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/5/641.pdf>. –Date of access: 16.03.2009.